

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ОГОВОРОВ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СДЕЛКАХ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Бабакулова Нигора Севиндик кизи,

Студент магистратуры по направлению

«Международное бизнес право»

Университета мировой экономики и дипломатии

E-mail: nigorababakulovas@gmail.com

Имамова Дилфуза Исмаиловна,

кандидат юридических наук, доцент,

профессор кафедры «Гражданское право и

международные частно-правовые дисциплины»

Университета мировой экономики и дипломатии

E-mail: imamova@uwed.uz

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются проблемы, возникающие при применении антикоррупционных оговорок во внешнеэкономических контрактах в Республике Узбекистан. Несмотря на то, что Узбекистан уже предпринял ряд важных шагов, направленных на борьбу с коррупцией, таких как принятие базового Закона Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» и создание профильного Агентства, практика использования антикоррупционных условий в частном секторе остается недостаточно разработанной и эффективной. В статье отражены основные правоприменительные трудности, такие как отсутствие конкретных законодательных требований к антикоррупционной оговорке, неоднозначность судебной практики и слабый контроль за их исполнением. На основе изучения передового международного опыта (США, Великобритании, ЕС) предложены рекомендации по совершенствованию законодательства Республики Узбекистан и практики применения антикоррупционных оговорок, способные обеспечить реальное снижение коррупционных рисков, укрепить доверие иностранных партнеров и повысить инвестиционную привлекательность страны.

Ключевые слова: антикоррупционные оговорки, проблемы правоприменения, внешнеэкономические сделки, коррупция, коррупционные риски, комплаенс, международные стандарты, контроль за исполнением.

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT OF ANTI-CORRUPTION CLAUSES IN FOREIGN ECONOMIC TRANSACTIONS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN AND WAYS TO SOLVE THEM

Babakulova Nigora Sevindik kizi,

Master's degree student in

International Business Law

University of World Economy and Diplomacy

E-mail: nigorababakulovas@gmail.com

Imamova Dilfuza Ismailovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Professor of Department Civil Law and

International Private Law Disciplines

University of World Economy and Diplomacy

E-mail: imamova@uwed.uz

ABSTRACT

The article explores the problems arising in the application of anti-corruption clauses in foreign economic contracts in the Republic of Uzbekistan. Despite the fact that Uzbekistan has already taken a number of important steps aimed at combating corruption, such as the adoption of the basic Law of the Republic of Uzbekistan “On Combating Corruption” and the establishment of a specialized Agency, the practice of using anti-corruption clauses in the private sector remains underdeveloped and ineffective. The article reflects the main enforcement difficulties, such as the lack of specific legislative requirements for anti-corruption clauses, ambiguity of judicial practice and weak enforcement. Based on the study of the best international practices (USA, UK, EU), recommendations are proposed to improve the legislation of the Republic of Uzbekistan and the practice of application of anti-corruption clauses that can ensure a real reduction of corruption risks, strengthen the confidence of foreign partners and increase the investment attractiveness of the country.

Keywords: anti-corruption clauses, problems of law enforcement, foreign economic transactions, corruption, corruption risks, compliance, international standards, enforcement control.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день важным инструментом предупреждения взяточничества и недобросовестных практик при осуществлении

внешнеэкономической деятельности являются антикоррупционные оговорки отраженные во внешнеэкономических сделках. В условиях глобализации бизнеса и усиления международных требований к комплаенсу, наличие во внешнеэкономических сделках специальных условий о запрете коррупции способствует защите интересов сторон и повышению доверия иностранных инвесторов.

В глобальных индексах Узбекистан все еще оценивается как страна с высоким уровнем коррупционных рисков. Так, согласно индексу восприятия коррупции Transparency International за 2024 год, Узбекистан набрал лишь 31 балл из 100 и заняла 121-е место среди 180 стран, что еще раз показывает подверженность страны коррупционным рискам ¹. Данные показатели свидетельствуют об актуальности темы противодействия коррупции, особенно в сфере внешнеэкономических сделок (международных коммерческих контрактов), где коррупционные практики могут подрывать доверие зарубежных партнеров и препятствовать привлечению инвестиций.

В свою очередь, наша страна ратифицировав Конвенцию ООН против коррупции, приняла на себя обязательства по укреплению мер противодействия коррупции как в публичном, так и в частном секторе. В последние годы в стране реализуется ряд реформ связанные с противодействием коррупции, а именно был принят базовый Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» ² (2017 г.), создано Агентство по противодействию коррупции³ (2020 г.), запущены цифровые платформы для обеспечения прозрачности. В частности, с 1 января 2022 года введено требование обязательного включения антикоррупционных условий в договоры, связанные с государственными закупками. Все это свидетельствует о признании на высшем уровне важности антикоррупционных оговорок. Однако действующее правовое регулирование и корпоративная практика требуют дальнейшего совершенствования, особенно в сегменте частного сектора и во внешнеэкономических сделках. Очевидно, что возникает потребность в соблюдении международных стандартов (таких как ISO 37001) со стороны национальных компании при работе с зарубежными партнерами и применения

¹ Transparency International. Corruption Perceptions Index 2024// [Electronic resource]. – Режим доступа: [\[https://www.transparency.org\]](https://www.transparency.org) (дата обращения: 10.05.2024).

² Закон Республики Узбекистан от 03.01.2017 №ЗРУ-419 «О противодействии коррупции» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: [\[https://lex.uz/ru/docs/3088013\]](https://lex.uz/ru/docs/3088013) (дата обращения: 10.05.2024).

³ Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по совершенствованию системы противодействия коррупции в Республике Узбекистан» от 29.06.2020 г. № УП-6013// [Электронный ресурс]: <https://lex.uz/ru/docs/4875786> (дата обращения: 10.05.2024).

опыта передовых юрисдикций (Великобритания, США), где антикоррупционные требования к бизнесу высоки.

Следует выделить, что одним из первоначальных механизмов профилактики коррупции во внешнеэкономической деятельности и в коммерческих отношениях являются антикоррупционные оговорки в договорах и их отражение в заключаемых договорах с иностранными партнерами.

Антикоррупционная оговорка представляет собой юридический инструмент, предназначенный для предотвращения коррупционных рисков в ходе исполнения договорных обязательств⁴.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Антикоррупционная оговорка в современных условиях уже не является простой юридической формальностью, а выступает достаточно действенным инструментом, способным в значительной степени обезопасить компанию от проявления коррупционных рисков в процессе взаимодействия с ее контрагентами⁵. В.М. Корякин выделяет три сущностные стороны категории «антикоррупционная оговорка», констатируя, что она является собой, во-первых, способ соблюдения положений антикоррупционного законодательства, во-вторых, форму проявления социальной и правовой ответственности и, в-третьих, юридическим фактом, обуславливающим соответствующие юридические последствия⁶. Включение подобных условий в контракты с иностранными партнерами стало распространенной практикой в ответ на усиление глобальной борьбы с подкупом: это продиктовано не только стремлением самих компаний к этичному ведению бизнеса, но и требованиями законодательства ряда стран и международных обязательств (например, Конвенции ООН против коррупции 2003 г.).

Для Узбекистана вопрос правоприменения антикоррупционных оговорок чрезвычайно актуален. С одной стороны, Узбекистан является участником Конвенции ООН против коррупции (ратифицирована в 2008 году) и принял Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» (ЗРУ-419 от 3 января 2017г.), заложивший основу для государственной антикоррупционной

⁴ Бабакулова Н.С., Имамова Д.И. Историческое развитие антикоррупционной оговорки в договорных отношениях// SIYOSATSHUNOSLIK, HUQUQ VA XALQARO MUNOSABATLAR JURNALI. – 2024.Vol. 3 No. 11. – С. 135.

⁵ Бычков А. Зачем в договоре антикоррупционная оговорка // Юридический справочник руководителя. – 2018. – № 6. – С.76. // [Электронный ресурс]: URL: <https://delo-press.ru/journals/law/yuridicheskaya-otvetstvennost/47626-zachem-v-dogovore-antikorrupsionnaya-ogovorka>.

⁶ Корякин В.М. Понятие и сущность антикоррупционной оговорки в государственном контракте на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд военных организаций // Военное право. – 2016. – № 4. – С. 143-150.// [Электронный ресурс]: URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28089677_40941293.pdf.

политики⁷. С другой стороны, практические механизмы предотвращения коррупции в частноправовых отношениях, включая внешнеэкономические сделки, еще недостаточно развиты.

Особенности применения антикоррупционных оговорок во внешнеэкономических сделках Узбекистана. Внешнеэкономические сделки Узбекистана все чаще включают в себя положения о противодействии коррупции. Как правило, инициатива включения антикоррупционной оговорки исходит от иностранных инвесторов или партнеров, которые обязаны соблюдать жесткие требования своего национального законодательства (например, FCPA США или UK Bribery Act) и международных стандартов деловой этики. Стоит отметить, согласно законодательству Республики Узбекистана, устанавливает обязательство включения антикоррупционных оговорок в контракты, касающиеся государственных закупок.

В Узбекистане применение антикоррупционных оговорок имеет ряд особенностей: во-первых, национальное законодательство прямо не регламентирует содержание подобных условий. Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» устанавливает общие меры по предупреждению коррупции и обязанности государственных органов, но не содержит конкретных требований о включении антикоррупционных условий в частноправовые отношения, а именно в договора. Аналогично, этому отмечается в российской практике тоже, где действующие нормы не предусматривают обязательного включения антикоррупционной оговорки в гражданско-правовые договоры. Таким образом, включение таких условий носит добровольный характер и часто определяется требованиями иностранных контрагентов или внутренних комплаенс-программ компаний.

Во-вторых, содержание антикоррупционных оговорок в практике Узбекистана нередко воспроизводит типовые формулировки международных контрактов. Например, стороны могут ссылаться на соблюдение ими Конвенции ООН против коррупции 2003 г. или конкретных статей Уголовного кодекса Республики Узбекистан о запрещении взяточничества. В некоторых случаях оговорки требуют от сторон внедрения эффективных мер внутреннего контроля и отчетности с целью предотвращения коррупции, а также сотрудничества с правоохранительными органами при выявлении коррупционных правонарушений. Однако отсутствие унифицированных

⁷ Fighting Corruption in Eastern Europe and Central Asia. Anti-corruption reforms in Uzbekistan. // [Electronic resource]: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/03/anti-corruption-reforms-in-uzbekistan_c913fdbb/46942986-en.pdf#:~:text=Republic%20of%20Uzbekistan%2C%20No.%D0%A0%D0%A3,defines%20measures%20to%20prevent%20corruption

стандартов ведет к тому, что формулировки могут значительно различаться от договора к договору, и не всегда понятно, какие именно действия стороны обязаны предпринять при возникновении подозрения на коррупцию.

В-третьих, применение антикоррупционных оговорок связано с исполнением международных обязательств Узбекистана по противодействию коррупции. Конвенция ООН против коррупции (UNCAC) в ст.12 призывает государства поощрять добросовестные коммерческие практики в отношениях между предприятиями и государством, включая разработку процедур, защищающих целостность частных компаний⁸. Кроме того, ст.34 UNCAC указывает, что государства должны рассматривать коррупцию как основание для аннулирования или расторжения контракта. Хотя эти положения и заданы как рекомендации, они задают ориентир для национальной практики: добросовестные компании должны стремиться включать превентивные антикоррупционные меры в свои сделки, а государство – обеспечивать возможность правового реагирования (например, признания сделки недействительной), если она была заключена или исполнена с использованием коррупции.

В Узбекистане уже предпринимаются шаги для вовлечения частного сектора в антикоррупционную деятельность. Так, государственные программы борьбы с коррупцией (например, Государственная антикоррупционная программа на 2017-2018 гг.) содержали положения о внедрении эффективных антикоррупционных механизмов в негосударственном секторе. Проведена диагностика рисков недобросовестности в бизнесе Генеральной прокуратурой и создано Агентство по противодействию коррупции (2020 г.) с мандатом координировать антикоррупционные усилия, в том числе в частном секторе. Однако данные меры пока носят общий характер и не фокусируются непосредственно на контроле соблюдения антикоррупционных условий в отдельных сделках. Таким образом, особенность текущей ситуации заключается в том, что антикоррупционные оговорки применяются в Узбекистане скорее в порядке добровольной инициативы и международной деловой практики, нежели во исполнение прямой императивной нормы национального права. Далее рассмотрим, какие проблемы возникают при реализации таких оговорок в правоприменительной практике.

⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003 г. // [Электронный ресурс] Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/uncac.html> (<https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/uncac.html>) (дата обращения: 10.05.2024).

Основные проблемы правоприменительной практики антикоррупционных оговорок в Узбекистане. В процессе реализации антикоррупционных оговорок в Узбекистане выявляется ряд проблем, снижающих их эффективность.

К ключевым проблемам относятся:

– *Недостаточная конкретизация в национальном законодательстве.*

В законодательстве Республики Узбекистан не дается четкого определения понятия «антикоррупционная оговорка», не устанавливаются требования к ее структуре и последствиям нарушения условий оговорки. Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» содержит лишь общие декларации о профилактике коррупции и обязанности организаций принимать меры по предупреждению коррупции, но не детализирует, какие именно меры должны предприниматься в контрактах. Например, в отличие от законодательства о государственных закупках некоторых стран, нормативные правовые акты Республики Узбекистана не обязывают включать специальный раздел о противодействии коррупции при заключении крупных внешнеэкономических контрактов. Это приводит к тому, что компании разрабатывают условия на свой страх и риск, а правовой статус таких условий остается неопределенным. В случае спора суд может квалифицировать антикоррупционную оговорку по-разному: либо как обычное условие договора, либо как условие, не имеющее юридической силы, если посчитает его противоречащим законодательству или избыточным. Например, в российской судебной практике указывается, что текущие законы прямо не требуют обязательного включения антикоррупционных условий в договоры, а значит их отсутствие не признается нарушением закона. По аналогии, суды Республики Узбекистан также может счесть, что несоблюдение антикоррупционной оговорки – это лишь нарушение договорного обязательства, не влекущее специальных юридических последствий сверх общих норм о расторжении или возмещении убытков. Отсутствие специальных норм также затрудняет единообразное применение: разные суды могут по-разному оценивать правовые последствия коррупции в сделке.

– *Неоднозначность судебной практики.* На сегодняшний день судебная практика Узбекистана по спорам, связанным с коррупцией в во внешнеэкономических сделках, крайне ограничена. Нет подробных разъяснений Пленума Верховного суда по поводу того, как квалифицировать договор, исполнение которого сопровождалось дачей взятки, и как действовать, если сторона требует расторжения договора на основании антикоррупционной

оговорки. Гражданский кодекс Республики Узбекистан содержит положения о недействительности сделок, противных закону и основам правопорядка, что могло бы быть применимо к случаям коррупции. Кроме того, UNCAC (ст.34) прямо рекомендует рассматривать коррупцию как основание для аннулирования или расторжения договора. Однако на практике остаются вопросы: должен ли договор признаваться ничтожным *ab initio* (с момента заключения) если при его заключении имела место взятка? Или же речь идет лишь о возможности досрочного расторжения без ретроспективного эффекта? Может ли добросовестная сторона требовать полное возмещение убытков и упущенной выгоды, либо только возврат полученного по договору? Эти аспекты пока не получили однозначного разрешения. Более того, узбекские суды могут столкнуться с коллизией норм: например, если антикоррупционная оговорка обязывает соблюдать иностранный закон (FCPA, UK Bribery Act и пр.) или предоставляет одной стороне широкие права контроля (аудита) над деятельностью другой, не противоречит ли это принципам справедливости договора? В зарубежной практике известно, что чересчур обременительные условия комплаенс-оговорок могут признаваться недействительными. Так, в Германии выявлено, что некоторые стандартные антикоррупционные оговорки противоречат законодательству о защите прав более слабой стороны договора и персональных данных – например, требование безоговорочно соблюдать иностранные законы вне пределов их юрисдикции или предоставлять контрагенту чрезмерные аудиторские права может быть признано неприемлемым условием, ставящим другую сторону в невыгодное положение⁹. Аналогичные доводы теоретически могут использоваться и в судах Республики Узбекистан, что создает неопределенность: допустимые пределы антикоррупционных условий не очерчены. В итоге неоднородность судебных подходов снижает предсказуемость правоприменения – стороны контракта не уверены, будет ли их оговорка реально защищать их интересы в случае спора.

– *Отсутствие эффективного контроля за исполнением оговорок.*

Даже если антикоррупционная оговорка включена в договор, механизмы мониторинга и обеспечения ее исполнения остаются слабыми. В Узбекистане пока нет специализированного органа или процедуры, которые отслеживали бы выполнение частными компаниями своих антикоррупционных обязательств, закрепленных в договорах. Государственные органы, такие как новое

⁹ Dr. Tobias Teicke. Anti-corruption clauses new to contract practice. Lexology// [Electronic resource]: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=fa3fb500-3fa6-49eb-a036-cc05583d5a75#:~:text=are%20often%20granted%20in%20favour,Also%2C%20the%20widespread%20provision%20aording>) (дата обращения: 10.05.2024).

Агентство по противодействию коррупции, больше сфокусированы на профилактике и выявлении коррупции в государственном секторе, нежели на надзоре за частными сделками. Внутри компаний реализация оговорок зависит от добросовестности самих сторон: фактически контроль осуществляется лишь в виде постановки контрактов на внутренний комплаенс-аудит международными фирмами. Если одна из сторон нарушает оговорку (например, дает взятку за ускорение таможенных процедур по контракту), другая сторона может и не узнать об этом, пока факт коррупции не вскроется в результате следствия или признания. Нет единого реестра или системы отчетности, куда компании сообщали бы о случаях нарушения антикоррупционных условий либо подозрениях на них. Более того, в отличие от крупных транснациональных корпораций, многие местные предприятия не обладают достаточными ресурсами для организации собственного эффективного контроля и расследования. Отсутствует также практика привлечения к ответственности за неисполнение антикоррупционных оговорок: например, в национальном законодательстве не установлены специальные штрафные санкции или административная ответственность компании, не обеспечившей соблюдение такого условия. В совокупности это приводит к тому, что антикоррупционные оговорки нередко остаются формальностью: они присутствуют в тексте контракта, но после подписания не сопровождаются реальными мерами по их претворению в жизнь и проверке выполнения.

Перечисленные проблемы препятствуют тому, чтобы антикоррупционные оговорки служили действенным инструментом снижения коррупционных рисков. Для выработки путей решения важно обратиться к опыту других стран, где подобные механизмы уже развиваются более активно.

Если же обратиться к зарубежному опыту (США, Великобритания, ЕС), то можно увидеть, что международный опыт показывает, что эффективность антикоррупционных оговорок во многом зависит от законодательной поддержки и сложившейся правоприменительной культуры. К примеру, в США законодательство о зарубежной коррупции представлено прежде всего Законом о коррупционной практике за рубежом (FCPA, 1977¹⁰). Хотя FCPA прямо не диктует включение определенных оговорок в контракты, он устанавливает жесткую ответственность компаний за дачу взяток иностранным должностным лицам, а также требования к внутреннему контролю и аудиту для зарегистрированных компаний. Американские компании, стремясь снизить

¹⁰ Foreign Corrupt Practices Act (FCPA), 1977 // [Electronic resource] //U.S. Department of Justice. – Режим доступа: [<https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act>] (дата обращения: 10.05.2024).

риск нарушения FCPA своими контрагентами, обычно включают в договоры с посредниками, дистрибьюторами, поставщиками и партнерами антикоррупционные и комплаенс-условия. Министерство юстиции США и Комиссия по ценным бумагам (SEC) в совместных рекомендациях по соблюдению FCPA прямо рекомендуют включать контрактные положения о соблюдении антикоррупционных стандартов при работе с бизнес-партнерами. Например, типовой дистрибьюторский контракт с участием американской компании будет содержать заверения о соблюдении FCPA и права аудитора на проверку деятельности партнера на предмет коррупции. В случае выявления нарушений, американская сторона обычно получает право немедленно расторгнуть соглашение и требовать компенсации. Благодаря таким мерам и агрессивному правоприменению (штрафы в десятки и сотни миллионов долларов), в США сформировалась практика, при которой игнорирование антикоррупционных клаузул расценивается бизнес-сообществом как грубое упущение. Крупные дела (например, расследование в отношении Telia, VimpelCom и других иностранных компаний за взятки в Узбекистане в 2010-х гг.) продемонстрировали, что наличие либо отсутствие эффективных договорных оговорок и комплаенс-систем влияет на объем санкций и репутационные потери. Таким образом, американский опыт подчеркивает значимость договорных инструментов в цепочке поставок и совместных предприятий для предотвращения коррупции.

В Соединенном Королевстве ключевым актом является Закон о борьбе со взяточничеством 2010 г. (UK Bribery Act)¹¹. Этот закон, помимо прочего, вводит ответственность компании за неспособность предотвратить коррупцию (“failure to prevent bribery”) со стороны ассоциированных лиц, если взятка дана в ее интересах. Единственной защитой от такой ответственности служит наличие у компании «адекватных процедур» по предотвращению коррупции. Официальное Руководство Минюста Великобритании по применению UK Bribery Act прямо относит к числу таких адекватных процедур контрактные антикоррупционные стандарты и требования в отношении партнеров по цепочке поставок. На практике это выразилось в широком распространении антикоррупционных оговорок в коммерческих соглашениях в Великобритании и по всему миру для компаний, связанных с британским рынком. Стандартные условия включают: заверения о соблюдении UK Bribery Act и иных применимых законов о взятках, обязательство иметь собственную

¹¹ UK Bribery Act 2010// [Electronic resource] // Legislation.gov.uk. – Режим доступа: [\[https://www.legislation.gov.uk\]](https://www.legislation.gov.uk) (дата обращения: 10.05.2024).

антикоррупционную политику, немедленно уведомлять о подозрениях на коррупцию и сотрудничать при расследованиях, право одной стороны проводить аудит и расторгать договор при нарушении. Таким образом, в британской практике антикоррупционная оговорка стала неотъемлемым элементом системы комплаенс, поддержанной угрозой строгой юридической ответственности.

В государствах ЕС отсутствует единая норма, обязывающая включать антикоррупционные оговорки в частные коммерческие договоры, однако действуют косвенные стимулы. Во-первых, многие страны ЕС являются участниками как UNCAC, так и региональных конвенций (например, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, 1999 г., Гражданско-правовая конвенция о коррупции, 1999 г.). Последняя, в частности, содержит положения о возможности признания недействительными коррупционных сделок и взыскании убытков, что перекликается с идеей договорных антикоррупционных условий. Во-вторых, в сфере государственных закупок в ЕС действуют директивы, требующие отстранять от участия компании, уличенные в коррупции, и призывающие к обеспечению прозрачности. Это мотивирует компании заранее включать в контракты условия, гарантирующие добропорядочность исполнения, чтобы избежать риска потерять рынки сбыта. В-третьих, крупные европейские компании добровольно внедряют кодексы поведения и комплаенс-оговаривания в контракты по примеру британских и американских коллег, учитывая глобализацию бизнеса. Например, в Германии до недавнего времени антикоррупционные условия были редкостью, но под влиянием трансатлантических требований их применение резко возросло. Международная торговая палата (ICC) в 2012 году разработала Модель антикоррупционной оговорки¹², рекомендуемую унифицированный текст для включения в договоры. Многие европейские компании воспользовались этими рекомендациями ICC, чтобы снизить риски при взаимодействии с агентами, дистрибьюторами, подрядчиками по всему миру. Таким образом, в ЕС постепенно формируется практика, когда антикоррупционные оговорки рассматриваются как «надлежащее состояние дел» (best practice) в международной торговле, особенно в отраслях с повышенным коррупционным риском (строительство, добыча ресурсов, оборонные контракты).

¹² ICC Anti-corruption Clause, 2012 // [Электронный ресурс] //International Chamber of Commerce. – Режим доступа: [<https://iccwbo.org>] (дата обращения: 10.05.2024).

Резюмируя зарубежный опыт, можно отметить, что ключевыми факторами успеха являются законодательное закрепление ответственности (как в UK Bribery Act) стимулирует превентивные меры, наличие типовых моделей оговорок (ICC, TI) облегчает распространение единообразной практики, а также активная позиция судов и регулирующих органов, поддерживающих право сторон на расторжение коррупционно скомпрометированных сделок.

Предложения и рекомендации по совершенствованию. Исходя из выявленных проблем и учитывая рассмотренный зарубежный опыт, представляется целесообразным предложить следующие меры для совершенствования законодательства и правоприменительной практики Узбекистана в части антикоррупционных оговорок:

Внесение конкретных законодательных изменений. Необходимо закрепить в национальном законодательстве понятие и правовое значение антикоррупционной оговорки. В Законе Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» или в смежные акты (Гражданский кодекс Республики Узбекистан, Закон Республики Узбекистан «О внешнеэкономической деятельности», Закон Республики Узбекистан «О государственных закупках») можно внести нормы, предусматривающие: (1) определение антикоррупционной оговорки как обязательного условия для определенных видов договоров (например, для государственных контрактов, контрактов госпредприятий с иностранными партнерами свыше определенной суммы); (2) минимальные требования к содержанию такой оговорки – взаимные обязательства сторон не участвовать в коррупции, информировать о случаях склонения к коррупции, сотрудничать при расследовании; В результате стороны контракта часто используют общие или типовые формулировки, которые не всегда четко определяют их права и обязанности при возникновении коррупционных рисков. Это ведет к правовой неопределенности и снижает эффективность таких оговорок в случае возникновения споров. (3) Последствия нарушения – предоставить пострадавшей стороне право в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора (расторгнуть его) и взыскать убытки, независимо от того, нанесен ли прямой ущерб самой стороне. Последнее особенно важно: даже если коррупционные действия были направлены, например, на подкуп должностных лиц для получения выгоды, другая сторона контракта должна иметь законное основание разорвать отношения, ссылаясь на подрыв доверия. Кроме того, следовало бы внести уточнения, что факт признания стороны виновной в коррупционном преступлении (приговор суда) является основанием для

признания сделки недействительной по иску другой стороны либо уполномоченных органов. Такая норма соответствовала бы ст. 34 Конвенции ООН против коррупции и принципам Гражданского кодекса о ничтожности сделок, противных закону, но сделала бы этот принцип более явным применительно к коррупции.

Унификация судебной практики и разъяснения Верховного суда Республики Узбекистан. Отсутствие разъяснения со стороны Верховного суда же порождает коллизии и разночтения в судебных решениях. Суды нередко не знают, как квалифицировать нарушение антикоррупционной оговорки – как простое нарушение договора или как основание для признания сделки недействительной вследствие ее противоречия закону и нравственности. В данном случае для решения проблемы будет целесообразным Верховному суду Республики Узбекистан подготовить официальное разъяснение (постановление Пленума) по вопросам рассмотрения споров, связанных с коррупцией в исполнении договоров. В таком документе необходимо отразить единые подходы: признать допустимыми и не противоречащими публичному порядку договорные условия об одностороннем отказе от договора в случае коррупции; указать, что само по себе отсутствие специальной нормы закона об антикоррупционной оговорке не препятствует суду применять общие принципы права (добросовестность, недопустимость злоупотребления правом) для защиты добросовестной стороны, потребовавшей расторжения контракта из-за коррупции; разъяснить, что требования о возмещении убытков, заявленные стороной, понесшей ущерб вследствие коррупционных действий контрагента (например, упущенная выгода от сорвавшегося контракта с третьими лицами из-за репутационного скандала), подлежат удовлетворению на общих основаниях деликтной ответственности. Также стоит указать, что доказанный факт дачи взятки при заключении или исполнении сделки однозначно трактуется как нарушение законных интересов государства и оснований правопорядка, что укрепит позицию о ничтожности таких сделок. Кроме того, Верховный суд мог бы рекомендовать нижестоящим судам использовать международные договоры (UNCAC) и иностранное право по аналогии закона либо в качестве ориентира при разрешении подобных споров. Это придаст большей уверенности и предсказуемости практики. Параллельно, Ассоциациям юристов и Торгово-промышленной палате нужно разработать типовые шаблоны антикоррупционных оговорок, одобренные с точки зрения соответствия узбекскому законодательству, чтобы суды чаще встречались с

унифицированными формулировками и формировали стабильное понимание их правового эффекта.

Создание механизмов контроля и мониторинга исполнения оговорок. Для того чтобы антикоррупционные условия не оставались на бумаге, необходимы механизмы их практического контроля. В этом направлении возможны несколько инициатив:

1. Обязать предприятия с государственной долей участия и государственных заказчиков ежегодно отчитываться перед надзорными органами (например, Агентством по противодействию коррупции или Счетной палатой) о соблюдении антикоррупционных условий по заключенным внешнеэкономическим контрактам. Это может включать предоставление информации о том, включены ли требуемые оговорки, были ли случаи расторжения контрактов по коррупционным основаниям, какие меры приняты при выявлении нарушений. Такая отчетность позволит сформировать статистику и выявить проблемные сектора.

2. Наделить Агентство по противодействию коррупции функцией мониторинга комплаенс-программ в частном секторе. Например, Агентство могло бы проводить выборочные проверки крупных компаний на предмет наличия у них адекватных антикоррупционных процедур, включая договорные оговорки, по аналогии с тем, как это делается в ряде стран (в Великобритании проверки Serious Fraud Office, во Франции – деятельность агентства AFA).

3. Поощрять внедрение международных стандартов корпоративного антикоррупционного комплаенса. В частности, рекомендовать узбекским предприятиям сертификацию по стандарту ISO 37001 (системы менеджмента борьбы с взяточничеством) и поддерживать такую сертификацию для госкомпаний¹³.

4. Создать при Торгово-промышленной палате или Агентстве публичный реестр добросовестных партнеров, куда компании могли бы добровольно представлять сведения о принятых на себя антикоррупционных обязательствах. Это повысит транспарентность: добросовестные фирмы продемонстрируют, что в их контрактах есть необходимые оговорки и что они готовы нести ответственность за их исполнение.

5. Наконец, важно обеспечить защиту информаторов (whistleblowers) в частном секторе. Если сотрудник компании сообщает о нарушении

¹³ Fighting Corruption in Eastern Europe and Central Asia. Anti-corruption reforms in Uzbekistan. // [Electronic resource]: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/03/anti-corruption-reforms-in-uzbekistan_c913fdbb/46942986-en.pdf#:~:text=Republic%20of%20Uzbekistan%2C%20No.%D0%A0%D0%A3,defines%20measures%20to%20prevent%20corruption

антикоррупционной оговорки (факте взятки), он должен быть защищен от увольнения и преследования. Внедрение эффективных каналов конфиденциального сообщения о коррупции внутри компаний будет существенным элементом контроля за соблюдением оговорок. Эти меры в совокупности создадут среду, в которой антикоррупционные оговорки станут реально действующим инструментом, подкрепленным как внутренним, так и внешним контролем.

Реализация указанных рекомендаций потребует координации усилий различных институтов – законодателя, судебной системы, правительства и бизнеса. Однако поэтапное внедрение даже части из них сможет существенно повысить эффективность борьбы с коррупцией во внешнеэкономической деятельности.

В заключении хотелось бы отметить, что антикоррупционные оговорки во внешнеэкономических сделках – сравнительно новый, но крайне важный инструмент обеспечения чистоты деловых отношений. В Республике Узбекистан правовая основа для таких оговорок находится лишь в стадии формирования: базовое законодательство заложено, однако его конкретизация применительно к договорам недостаточна, а единая практика еще не выработана. Проведенное исследование показало, что без должного нормативного закрепления и механизма контроля антикоррупционные условия рискуют оставаться декларативной мерой, не приводящей к реальному снижению уровня коррупции. В то же время, изучение зарубежного опыта (США, Великобритании, стран ЕС) демонстрирует, что при поддержке государством – через законодательное давление (угроза ответственности) и методические рекомендации – антикоррупционные оговорки способны стать действенным превентивным механизмом. Они повышают доверие между партнерами, дают юридические рычаги для оперативного разрыва связей с недобросовестным контрагентом и служат основанием для возмещения ущерба, нанесенного коррупцией. Более того, их наличие в контракте является сигналом прозрачности и открытости, что позитивно сказывается на инвестиционной привлекательности страны.

Таким образом, реализуя предложенные меры – от совершенствования законодательства и судебных разъяснений до создания систем контроля и обмена передовым опытом – Узбекистан сможет существенно укрепить правоприменение антикоррупционных оговорок. Это позволит не только решить текущие проблемы, но и повысит устойчивость и чистоту внешнеэкономических сделок, поспособствует формированию культуры

нулевой терпимости к коррупции в бизнес-среде. Итогом станет более здоровая и привлекательная экономическая среда, соответствующая лучшим международным стандартам и ожиданиям зарубежных партнеров, что в долгосрочной перспективе послужит интересам устойчивого развития Республики Узбекистан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. // [Электронный ресурс] // Режим доступа: [<https://lex.uz>] (дата обращения: 10.05.2024).
2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: [<https://lex.uz>] (дата обращения: 10.05.2024).
3. Закон Республики Узбекистан от 03.01.2017 №ЗРУ-419 «О противодействии коррупции» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: [<https://lex.uz>] (дата обращения: 20.05.2024).
4. Указ Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по совершенствованию системы противодействия коррупции в Республике Узбекистан» от 29.06.2020 г. № УП-6013// [Электронный ресурс]: <https://lex.uz/ru/docs/4875786> (дата обращения: 10.05.2024).
5. Гражданско-правовая конвенция Совета Европы о коррупции от 04.11.1999г. ETS №174 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<https://www.coe.int>] (дата обращения: 10.05.2024).
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003 г.// [Электронный ресурс]: // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: [<https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/uncac.html>] (дата обращения: 10.05.2024).
7. Dr. Tobias Teicke. Anti-corruption clauses new to contract practice. Lexology// [Electronic resource]: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=fa3fb500-3fa6-49eb-a036-cc05583d5a75#:~:text=are%20often%20granted%20in%20favour,Also%2C%20the%20widespread%20provision%20according>) (дата обращения: 10.05.2024).
8. Fighting Corruption in Eastern Europe and Central Asia. Anti-corruption reforms in Uzbekistan. // [Electronic resource]: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/03/anti-corruption-reforms-in-uzbekistan_c913fdbb/46942986-

en.pdf#:~:text=Republic%20of%20Uzbekistan%2C%20No.%D0%A0%D0%A3,defines%20measures%20to%20prevent%20corruption

9. Foreign Corrupt Practices Act (FCPA), 1977 // [Electronic resource] // U.S. Department of Justice. – Режим доступа: [<https://www.justice.gov/criminal-fraud/foreign-corrupt-practices-act>] (дата обращения: 10.05.2024).

10. ICC Anti-corruption Clause, 2012 // [Электронный ресурс] // International Chamber of Commerce. – Режим доступа: [<https://iccwbo.org>] (дата обращения: 10.05.2024).

11. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2024// [Electronic resource]: – Режим доступа: [<https://www.transparency.org>] (дата обращения: 10.05.2024).

12. UK Bribery Act 2010// [Electronic resource] // Legislation.gov.uk. – Режим доступа: [<https://www.legislation.gov.uk>] (дата обращения: 10.05.2024).

13. Бабакулова Н.С., Имамова Д.И. Историческое развитие антикоррупционной оговорки в договорных отношениях// SIYOSATSHUNOSLIK, HUQUQ VA XALQARO MUNOSABATLAR JURNALI. – 2024.Vol. 3 No. 11. – С. 135.

14. Бычков А. Зачем в договоре антикоррупционная оговорка // Юридический справочник руководителя. – 2018. – № 6. – С.76.// [Электронный ресурс]: URL: <https://delo-press.ru/journals/law/yuridicheskaya-otvetstvennost/47626-zachem-v-dogovore-antikorrupsionnaya-ogovorka>.

15. Корякин В.М. Понятие и сущность антикоррупционной оговорки в государственном контракте на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд военных организаций // Военное право. – 2016. – № 4. – С. 143-150. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28089677_40941293.pdf.